

С телетайпов
«Советской культуры»
и ТАССПОЛИТИКА
ИДЕОЛОГИЯ

ЗА Р

в странах социализма

В поисках новых решений

ЗАМЕТКИ С ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ФЕСТИВАЛЯ

Фестиваль «Театральная юность» для чехословацкого театра — явление уже традиционное. Нынешний, проходивший в словацком городе Прешове, по счету был пятым. Здесь на несколько дней оказалось средоточие дерзких театральных экспериментов. На сценических площадках города в полную силу звучал голос молодых, их азартный тон явно слышен и в затягивавшихся далеко за полночь дискуссиях.

Весь город в эти фестивальные дни был полон заботы о театре. «Таланты» и «поклонники» вели ожесточенные споры о его будущем, переноса своих диспуты из театрального зала на улицы. Тут высказывались разнообразные прогнозы и предвидения, разбегались новые театральные течения и ниспровергались прежние кумиры.

В эти дни мне часто вспоминались слова К. С. Станиславского, обращенные в свое время к молодежи МХАТа. Великий режиссер считал, что молодым нужно постоянно учиться на опыте и знаниях старшего поколения, но вместе с тем и корифеям возмещать грешно порой поучиться у молодых, у тех, кому предстоит сказать в искусстве новое слово. Взаимная польза таких контактов стала мне особенно очевидной на фестивале в Прешове.

Не секрет, что сегодня особое внимание театральной молодежи привлекает поиск новых контактов со зрителем. Не был исключением и Прешовский фестиваль, который дал интересную возможность проследить логику этого поиска.

Урок фестиваля прост и поучителен: к тем молодежным театрам, для которых поиск новой формы сопряжен с постижением существа, а не является самоцелью, пришел успех. Там, где этот поиск вступал в противоречие со смыслом, коллектив подстерегала чуждая. Наглядные примеры противоположных принципов подхода к эксперименту в области театральной формы был дан двумя театрами: из города Брно в спектакле «Мещанская свадьба» Б. Брехта и из города Шумперка в «Нине» А. Кутерничко.

Пролог брехтовского спектакля — подлинный фейерверк театральной фантазии и изобретательности. Технический арсенал актеров ошеломил зрителя. Солное жонглирование, кульбиты, шпэгаты... такое скорее можно было ждать от цирковых исполнителей, чем от драматических артистов. Казалось, что единственная цель «Театра на веревочке» из Брно — парад актерских аттракционов, а такой принцип работы был выбран лишь затем,

чтобы полнее изжить бытующие через край энергию и силу молодых. Но вот когда закончился ошеломивший зрителя пролог, наступил черед совсем иных творческих принципов, которые уже находились в сфере психологической правды и перевоплощения.

Театр пошел по пути соединения в брехтовском сюжете игры и характера. И замороженный зритель был свидетелем, как достоверность и правдивость шли рядом с преувеличением и гротеском. Крупный план понаблюдил тут для рассмотрения мельчайших подробностей мещанской свадьбы. Здесь не был упущен ни один мало-мальски существенный штрих внешней и внутренней жизни героев, но предельно это было стремительно, в атмосфере почти карнаваль-ной, где играли даже вещи. И над всем этим полновластно царил актер.

В ином положении оказался спектакль по пьесе А. Кутерничко «Нина». Материал, явно предполагающий «истину страстей и правдоподобие чувствований», попал как бы в искривленное зеркало режиссерского приема. Из реального действия было переведено в ирреальное. Ходом спектакля правила фантазмагория сна: героиня как бы еще раз переживала в сновидениях собственную историю, перед ней мелькали драматические коллизии ее жизни.

Режиссерская нарочитость решения усугублялась нарочитой формой спектакля: актеры выступали в кольце зрителей, и мельчайший гран неправды сразу же приводил к недоверию. Парадоксам режиссерской фантазмагории сопротивлялась пьеса, ее реалистическое течение было осушено отсутствием психологических мотивировок. В результате осталось лишь недоумение.

Задачно было и начало голеваской «Женитьбы» в исполнении артистов драматической студии из города Усть-над-Лабой. На авансцене — современный молодой человек в джинсах и модной рубашке. В его руках газета с брачными объявлениями. Прочитав их, он приглашает зрителей вспомнить брачный сюжет XIX века. И только тогда на сцене оживают знакомые персонажи голеваской пьесы.

Но оживают в каком-то непривычном, «третьем» измерении: кровати, стол, стулья, подсвечники, графины, колода карт, а следом и актеры — все это расположилось на стене не в привычной, горизонтальной проекции, а в проекции вертикальной. Как неисповедим путь режиссерских причуд!

Неожиданный ракурс, впрочем, к счастью для Гоголя, не стал самодовлеющим приемом. Действие наконец перемести-

лось на сцену. Главными там стали актеры. И оказалось, что человеческие чувства и страсти тех далеких лет близки нам и остры сегодня. Каждый из героев предстал в неповторимости своего личного звучания и своеобразии своей человеческой темы. Искривленное пространство выправилось силой голеваской драматургии.

Событием фестиваля стал спектакль «Эпизод 39—44», показанный театром из города Трнавы. Здесь тоже необычной оказалась предложенная форма. Спектакль рассказывает об эпизодах восстания словацкого народа против фашизма. В нем марionетки и живые люди словно противостояли друг другу: на сцене шла параллельная история падения профашистского правительства и подвига словацких патриотов. Сочетание неживого, искусственного с подлинным и достоверным — этот резкий контраст дал спектаклю художественную силу и острую публицистичность звучания. Именно ему были отданы зрительские симпатии. Спектакль как бы еще раз подтвердил, что путь к успеху зависит не от нафантазированной формы, но от органичности сплава ее самобытности со смыслом, с тем существом, которое она выражает.

Безграничные возможности пантомимы продемонстрировал на фестивале спектакль пражской студии «Ателье», который носил не совсем обычное название «Бац, или Несколькo дополнительных уроков для попавших в автомобильную катастрофу». История лечения сбивших друг друга водителей была сыграна изобретательно, с бесчисленными театральными находками.

В Прешове мы все ощутили стремление молодежи к обновлению театральной формы, тягу к эксперименту. Однако, выявив эти устремления, фестиваль в гораздо меньшей мере дал почувствовать само направление гражданских размышлений нового театрального поколения Чехословакии. Современная тема, проблемы нашего времени, голос современника звучали не так мощно, как хотелось бы. А ведь именно единство современной формы с нравственными и духовными проблемами социалистической действительности могло бы дать слитный аккорд в фестивальной симфонии театра.

Широкое знакомство с творчеством молодежи, обмен мнениями о роли театра в жизни социалистического общества, несомненно, сообщает новый импульс развитию искусства сцены в наших странах.

О. ПИВОВАРОВ.
ПРЕШОВ — МОСКВА.